

РАЗБОЙНИКЪ
ВЕНЕЦІИ,

или

УЖАСНЫЙ АБЕЛЛИНО.

*Сочиненіе Гна ЛЕВИСА, Ав-
тора Монаха.*

Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Изданіе третье.

МОСКВА,
Въ Типографіи Н. С. Всеволожскаго.
1816.

**Вшорое изданіе сей книги печашано
было въ 1810 году, съ одобренія
Ценсурнаго Комишеша, учрежден-
наго для Округа Имперашорскаго
Московскаго Универсишеша.**

РАЗБОЙНИКЪ

ВЪ

ВЕНЕЦІИ.

ГЛАВА I.

Венеція.

Ночь распросперла уже мрачной покровъ свой. — Луна, совершавшая мирное свое печеніе, посреди легкихъ облаковъ освѣщаемыхъ ею — отражалась въ Адриатическомъ морѣ. Молчаніе и тишина царствовали въ природѣ. Волны, едва колеблемые шихимъ вѣтромъ, шумѣли въ порпикахъ Венеціи. —

Полночь наступала. Погруженный въ задумчивость иноземецъ сидѣлъ на берегу большаго канала. Взоръ его обращался попеременно то на спиѣны города, то на башни, то на волны — и, казалось, измѣрялъ глубину ихъ. — « Нещастной, говорилъ онъ самъ себѣ, куда обратишь ты шпопы свои? Зачѣмъ не изберешь себѣ вѣрнаго пристанища, — смерти! Что съ шобою будешь? — Все покоится, кромѣ меня. Богачъ спитъ на мягкой постелѣ, — бѣднякъ на соломѣ. Для меня нигдѣ нѣтъ убѣжища! — Самой послѣдней бѣднякъ проработавъ весь день, имѣетъ кровь, подъ коимъ онъ можетъ провести ночь — а я — О, какъ ужасенъ рокъ, меня преслѣдующій! »

Онъ замолчалъ — и посмотрѣлъ на изодранные свои карманы. —

« Но въ нихъ нѣтъ ни крошки хлѣба! — а голодь мучишь меня! »

Онъ обнажилъ свою шпагу, она одна у него осталась и, махая ею по воздуху, — вздохнулъ увидя блескъ ея.

« Нѣтъ, мой вѣрный, спаринный товарищъ, мы съ побѣю не разстанемся! — ты всегда будешь принадлежать мнѣ, хопябы возвратилъ мнѣ болѣе, нежели жизнь. Ахъ! куда дѣвались тѣ щаспливые дни, въ которые я получилъ тебя изъ рукъ Валеріи, — и прижалъ къ ушамъ моимъ, держа въ объятіяхъ любезную. Увы! она разлучилась со мною для того, чшобъ переселишься въ

лучшій свѣтъ ; но я съ побсю въ здѣшнемъ никогда не разспанусь.»

Онъ оперь слезу, выкапившуюся изъ глазъ его.

«Слеза! безумецъ! Онѣтъ!.. Время, въ которое я могъ плакать, уже исчезло! —

При сихъ словахъ несчастной упалъ на землю и, въ ошчаянїи своемъ, гошовъ былъ проклинаеть шу, копорая произвела его на свѣтъ; вдругъ онъ вспалъ и опомнился. Онъ оперся на руку, и пропѣлъ печальнымъ голосомъ пѣсню, копорая была ему прїятна въ замкѣ его родителей. —

«Ободришь! сказалъ онъ самому себѣ, — если ты не перенесешь ударовъ рока, то не будешь шѣмъ, чпо ты есть.»

Въ эту минушу, глухой шумъ послышался ему. Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя и, при слабомъ свѣпѣ луны, увидѣлъ человѣка, завернушагося въ епанчу, которой прохаживался взадъ и впередъ по улицѣ.

« Само Провидѣнїе направило сюда шати его. Я буду просить у него помощи, спану его умолять: лучше быть нищимъ въ Венеціи, нежели злодѣемъ въ Неаполѣ; рубище, покрывающее бѣднаго, не мѣшаетъ сердцу его биться съ гордостью. »

При сихъ словахъ онъ вспаль и, подшедши ближе, увидѣлъ другаго человѣка, которой шель съ другаго конца улицы. Человѣкъ въ епанчѣ поспѣшно спряшался въ шемношѣ,

какъ будто спрaшaся бытъ примѣченныиъ.

« Чшо это значишь? думаль нищій. Не уже ли это убійца? — Не подкупленъ ли онъ какииъ нибудь молодыиъ наслѣдникомъ, желающииъ неперпѣливо получишь имѣнїе родсвенника, копорой, не подозрѣвая измѣны, подвергаешъ самъ себя кинжалу разбойника? — Бездѣльникъ, ты не получишь успѣха въ швоеиъ предпрїятїи, я низпровергну подлое швое намѣренїе! »

Онъ пошхоньку подошелъ ближе, и спалъ недалеко отъ человѣка, спрятавшагося въ шемношѣ. Лишь шолько незнакомецъ поравнялся съ симъ послѣднимъ, вдругъ онъ выскочилъ изъ своего убѣжища — и бросился на него съ кинжа-

ломь. Уже онъ готовъ былъ поразить свою жертву — нищій прибѣжалъ и повергъ на землю преступника.

Незнакомецъ, оборотившись съ скоростию, увидѣлъ человека, который вспалъ и побѣжалъ оупь нищаго, спскайно подлѣ него споявшаго! —

«Что это значить? вскричалъ онъ!» —

«Милоспивый государь въ поступкѣ моемъ нѣтъ ничего удивительнаго; я очень радъ, что имѣлъ случай спасти вамъ жизнь» —

«Спаси мнѣ жизнь! какимъ образомъ?» —

«Человѣкъ, сей-часъ убѣжавшій, подкрался къ вамъ по-пихоньку; кинжалъ его уже былъ готовъ поразить васъ — я увидѣлъ это — и обезору-

жилъ его. Вы одолжены мнѣ жизнію, можешь бышь эта услуга заслуживаетъ благодарность : помогите мнѣ; я голоденъ и весь дрожу отъ спужи.—

« Удались несчастный, мнѣ извѣстны всѣ хитрости, употребляемыя людьми шебѣ подобными.— Не думаешь ли ты, что я не знаю твоего намѣренія? — Ты подговорилъ своего товарища съ шѣмъ, чтобъ выманить у меня нѣсколько денегъ за мнимое спасеніе жизни. Ищи людей болѣе легковерныхъ; обманывай бдишельность Дожа, но не надѣйся провести Буонароппи.»

Этотъ обидный и насмѣшливый отвѣтъ возбудилъ негодованіе несчастнаго бѣдняка.—

«Клянусь вамъ всѣмъ, что есть свято, говорилъ онъ, въ

испнннѢ словѣ моихъ. Голодъ меня мучишь ; я не въ состоянїи долѣе переносить его , и умру въ нынѣшнюю же ночь , если вы надо мною не сжалитесь. —

« Удались , говорю я тебѣ , или — накажу твою дерзость. »

Говоря слова сїи , безчувственный Буонаррощи , вынулъ изъ кармана пистолетъ и прицѣлился въ него , кпо спасъ ему жизнь. —

« Великій Боже ! вошь какъ благодарятъ въ Венеціи за оказанныя благодѣянїя ? — »

« Солдаты споятъ отсюда не далеко — мнѣ стоить только закричать. . . . — »

О Небо ! и такъ вы почитаете меня разбойникомъ ? онъ ошановился , — и попомъ сказалъ грознымъ голосомъ.

« Тебя зовушь Буонарротти! я не забуду этого. Но когда ты услышишь имя Абеллино — тогда пререци. . . . »

Абеллино отошелъ прочь, опъ безчувственнаго Венеціанца.

Г Л А В А II.

Разбойники.

Несчастной бродилъ по городскимъ улицамъ какъ сумасшедшій; иногда проклиналъ судьбу свою, иногда улыбка опчаянїя являлась на устахъ его, иногда вдругъ оспанавливался и, казалось, размышлялъ о какомъ-нибудь важномъ дѣлѣ, пономъ опять продолжалъ пушь

своей, какъ буди по намъ брѣваясь исполнить оное.

Наконецъ, онъ оперся на стамбу; всѣ бѣдствія, имъ претерпѣваемыя, живо представились его воображенію. Блуждающіе взоры его искали существа, которое бы его утѣшило — и не находили.

Судьба, вскричала онъ въ отчаяніи, опредѣлила мнѣ быть или великимъ, или злодѣемъ, пресупленія котораго заспаваютъ препешать весь свѣтъ! я рожденъ внушаешь удивленіе или страхъ. Розальво не можетъ быть обыкновеннымъ человекомъ: не рокъ ли привелъ меня сюда? Кто бы могъ себѣ представить, что сынъ богатѣйшаго Италіянца будетъ просить нѣкогда милосердію въ Венеціи? Могъ ли

я самъ подумаю, я, во цвѣтѣхъ
 лѣтъ, одаренный крѣпкимъ
 тѣломъ, одаренный пою ду-
 шевною силою, копорая ведешь
 къ дѣламъ великимъ; могъ ли
 я подумаю, что одѣтый въ
 плащѣ нищаго буду бродить
 въ сей безжалостной спранѣ
 и мучиться голодомъ? Люди,
 упивавшіеся прежде за спо-
 ломъ моимъ дорогими винами,
 теперь отказываютъ въ по-
 мощи, копорая возвратила бы
 мнѣ жизнь, не внемлютъ моимъ
 прозьбамъ? —

Онъ остановился, поглядѣлъ
 на небо и вздохнулъ.

« Да, я снесу удары рока,
 сколь бы ужасны они ни были,
 испытаю всѣ нещасія, — душа
 моя не будетъ подавлена мно-
 жествомъ бѣдъ твоихъ. Графъ Ро-
 зальво не перестанетъ быть

великимъ. Оспавимъ имя, которое уважалъ весь Неаполь.... я теперь нищій Абеллино, Нѣтъ, не нищій! я прошу званіе самаго послѣдняго члена общесства, званіе злодѣя и изгнанника!» —

Въ эту минуту онъ услышалъ шумъ. Абеллино оборотился и увидѣлъ убійцу, котораго онъ недавно передъ тѣмъ повергъ на землю. Съ нимъ было еще двое его поварищей, и всѣ они, но видимому, кого-то искали.

«Вѣрно они меня ищутъ!» сказалъ Абеллино — выпунилъ нѣсколько шаговъ впередъ и свиснулъ.

Разбойники оспановились, начали попихоньку разговаривать между собою и, казалось,

не знали что дѣлать. Абеллино свиснулъ въ другой разъ.

« Это онъ, » сказали они довольно громко и пошчасъ подошли къ нему.

Абеллино стоялъ на одномъ мѣстѣ — и вынулъ шпагу. Трое незнакомцевъ оспановились опъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, и шакже обнажили свои шпаги.

« Ну, братъ! сказалъ одинъ изъ нихъ, — чего ты боишься? къ чему эта шпага? » —

« Чтобъ недопустишь васъ къ себѣ слишкомъ близко: я знаю васъ; вы принадлежите къ шѣмъ честнымъ людямъ, копорыхъ жизнь основана на смерти, попадающихся въ ихъ руки. » —

« Развѣ ты не свиспалъ намъ? » —

« Свиспалъ. » —

« Такъ зачѣмъ же ты сви-
спаль? » —

« Запѣмъ, что я умираю съ
голоду. Ради Бога, удѣлише
мнѣ часть вашей добычи и по-
могите мнѣ. » —

« Тебѣ помочь! ха, ха, ха!
вошь право забавно! просить
милосыни у насъ, у насъ! Не
сомнѣвайся! мы очень жало-
спливы. » —

« Если хопите, дайше мнѣ
50 секиновъ — и я буду вамъ
служить до пѣхъ поръ, пока
не заслужу своего долга. » —

« Хорошо! но скажи намъ
сперва, кто ты? » —

« Я пеперь голодный нищій,
но скоро переспану бышь имъ;
я силенъ и проворень..... Того,
кого поразить рука моя, не
предохраняшь ниже пройные
лапы; глаза мои, хопя помра-

ченныя горестію , найдуть мѣсто , куда должно нанесъ вѣрной ударъ. » —

« Зачѣмъ же недавно ты напаль на меня и повалилъ на землю ? » —

« Я надѣялся получить за это награжденіе ; и хопя спасъ жизнь этого незнакомца ; но онъ былъ сполько безчеловѣченъ , что опказалъ мнѣ въ пребуемой помощи ! » —

« Онъ опказалъ шебѣ въ ней ? шѣмъ лучше ! Но скажи мнѣ , правду ли ты говоришь ? » —

« Человѣкъ въ опчаянїи не лжеть. » —

« Не измѣнишь ли ты намъ ? несчастной ! » —

« Я буду въ вашихъ рукахъ ; и ваши кинжалы накажутъ измѣнника. » —

Трое разбойниковъ опять начали попохоньку разговаривать, попомъ всѣ вложили шпаги въ ножны, и одинъ изъ нихъ сказалъ :

« Спупай за нами. Объ нѣкоторыхъ вещахъ, безразсудно говоришь на улицѣ. » —

« Я пойду за вами — отвѣчалъ Абеллино — но поппъ, кто будетъ поступать со мною какъ съ непріятелемъ, долженъ страшиться руки моей. Простите меня, что я не много бранилъ званіе, которое теперь беру на себя. Клянусь вамъ быть за то хорошимъ повариемъ ! » —

« Съ этой минутой мы твои братья — вскричали они всѣ вмѣстѣ — тебѣ не сдѣлаюшь никакого вреда ; поппъ, кто тебя обидишь, будетъ общій

нашъ непріятель. Твой нравъ намъ нравится : спупай за нами , и не бойся ничего. » —

Они пошли. — Абеллино находился между двумя новыми поварищами. Часно взоры его съ безпокойствомъ обращались на окружавшіе предметы , но ничто не показывало дурныхъ намѣреній со спороны разбойниковъ. Они приблизились къ одному каналу , опвязали гондолу , находившуюся на немъ , сѣли въ нее , и вышли на берегъ въ самой опдаленной части города. Прощедши нѣскольکو улицъ , они опстановились передъ довольно хорошенькимъ домикомъ , и постучались у дверей. Молодая женщина опшерла ихъ и ввела разбойниковъ въ простую , но хорошо убранную горницу. Взоры ея безпрестан-

ко были устремлены на новаго пришельца. Вспревоженный, и безпокоившійся Абеллио не зналъ куда его привели, и началъ было думать, что онъ поступилъ безразсудно, положась съ такою довѣренностію на разбойниковъ.

Г Л А В А ІІІ.

Борьба.

Они сѣли, и опять позвали Цинпію (такъ называлась молодая женщина), ударивъ въ дверь молоткомъ — скоро пришли еще двое шоварищей, копорые османпривали новаго пришельца съ ногъ до головы, —

«Теперь, сказала Абеллину одинъ изъ пѣхъ, кои привели его въ это почтенное общество, дай намъ взглянуть на твое лицо. —» Говоря сїи слова, онъ взялъ фонарь, и освѣпилъ имъ Абеллина. «Великій Боже! вскричала Циншїя — какое страшное чудовище!» Она проворно опворопилась и закрыла лице руками. Абеллино сердито поглядѣлъ на нее.

Э, братъ — сказала одинъ изъ разбойниковъ, ты долженъ благодарить природу за то, что она дала тебѣ такія черты, показывающія тебя насъ достойнымъ. Ну — сказывай скорѣе — какимъ манеромъ шакъ долго, не попалъ ты на висѣлицу? и съ какой галеры, или изъ какой пюрьмы ты ушелъ? —

«Если по моей наружности тебѣ это кажется, опивѣчалъ Абеллино гордо — и такимъ голосомъ, копорой заспавиль прешаать его слушателей; то я очень радъ. Каково бы теперь ни поступалъ я въ новомъ своемъ званіи, Небо не будешь въ правѣ меня наказывать: ибо оно, кажется, нарочно для него меня сошворило.»

Разбойники, отошли къ споронѣ; не нужно сказывать объ чемъ они говорили. Между тѣмъ, Абеллино спокойно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, не заботясь о томъ, что вокругъ него происходило.

Они пошчасъ опять подошли къ нему. Одинъ изъ нихъ, копоратаго лице было ужаснѣе, и копорой — по ви-

димому — былъ сильнѣе прочихъ , сказалъ , Абеллино !

Слушай братъ , во всей Венеціи полько пять разбойниковъ , они всѣ передъ тобою ; если ты хочешь быть шестымъ , ты можешь надѣяться , что тебѣ всегда будешь дѣло . Я называюсь Маттео — и начальникъ нашей шайки . Имя этого рыжаго плута Балюццо ; пошь , у котораго глаза похожи на кошечьи , называется Томасъ ; его можешь ты братъ для себя примѣромъ въ обманъ ! пошь , которому ты сего дня такъ не осторожно перещупалъ ребры , называется Пеприно ; наконецъ подлѣ Циклїи сидишь Спруцца . Теперь ты всѣхъ насъ знаешь : такъ какъ тебѣ нечего вѣсть , то мы соглашаемся принять тебя въ

наше общество ; но сперва хотимъ увѣришься, не имѣешь ли ты худаго прошивъ насъ намѣренія?

Улыбка, или лучше сказать — кривлянье, показалось на лицѣ Абеллино, и онъ вскричалъ охриплымъ голосомъ: я умираю съ голода.

« Отвѣчай! не имѣешь ли ты худаго прошивъ насъ намѣренія? »

« Берегись, несчастный! за малѣйшее подозрѣнiе измѣны — заплашишь ты намъ свою жизнью. Ничто не укроетъ тебя отъ нашего мщенiя! Чшобъ поразить измѣнника, мы проникнемъ даже во дворець Дожа; не забывай этого, и помни — что мы разбойники. » —

« Всѣ эти слова бесполезны; дайте мнѣ сперва поѣсть, а

попомъ буду я отвѣчать на всѣ вопросы; теперь я умираю съ голода: потому что цѣлые сушки не ѣль ничего.»

Циншя накрыла на столъ, поставила кушанье, и наполнила виномъ нѣсколько серебряныхъ стакановъ.

Можно ли безъ ужаса сморѣть на такое лице; говорила она пошхоньку, глядя на Абеллино. Если гдѣ-нибудь ему подобный? — Конечно сапана явился его машери, и она родила его порпрешъ! никогда не видала я такого отвратительнаго лица.

Абеллино, не обращая вниманія на слова ея, сѣлъ за столъ. Онъ ѣлъ и пилъ такъ много, какъ будто хотѣлъ запаси желудокъ свой пищею на нѣсколько дней. Разбойники удив-

лялись его аппешипу, и радовались, что нашли себѣ такого шоварища.

Надобно описать чипапелю Абеллино. Онъ былъ сильной молодой человекъ: имѣлъ прекрасный станъ, но лице споль дурное, что оно зашмѣвало все красота спашнаго его сложения. Черныя, блестящія волосы лежали по плечамъ, и дѣлали дикимъ блѣдное лице его. Ротъ у него былъ споль великъ, что зубы даже были видны. Онъ былъ кривъ; а оспальный глазъ такъ глубоко вдавился въ лобъ, что едва былъ видѣнъ; брови у него были черныя и густыя. Словомъ сказать въ нель соединялись вмѣспѣ все отврашительнѣйшія черпты — и глядя на его физіогномію, не лзя было рѣ-

шить, кого она, изображала, болѣе дурака или злодѣя. —

« Ну, вопшь, шеперь я на-
ѣлся! сказала Абеллино хрипо-
ватымъ голосомъ, бросивши на
поль серебряный спаканъ, въ
копоромъ оставалось еще нѣ-
сколько вина. — Говорите, чего
вамъ опъ меня надобно? я го-
шовъ опвѣчать вамъ. — »

« Сила еспъ одно изъ важ-
нѣйшихъ качествъ, нужныхъ
для нашего ремесла, опвѣчалъ
Маппшео, и я хочу, чшобъ пы
показалъ намъ опытъ своей
силы. Умѣешь ли пы бороть-
ся? — »

« Нѣшь, не умѣю; однакожь
попробуемъ. — »

« Прими спаль Циншїа. Те-
перь, Абеллино, скажи, съ кѣмъ
пы хочешь испытать свои
силы? копораго изъ насъ на-

дѣешься ты споль же легко повалишь на землю, какъ этого непроторнаго Пешрино. — »

« Копораго изъ васъ? — вскричалъ Абеллино. Всѣхъ вмѣстѣ, хотя бы васъ еще было полдюжины! » Онъ вспаль, бросилъ шпагу на споль, и приготовилъ принять своихъ сопрошивниковъ.

Разбойники громко засмѣялись. —

« Давайте же бороться, ска- залъ имъ гордо Абеллино, что же вы на меня не нападаете. — »

« Сперва попробуйка со мной однимъ, сказалъ Маштео, и узнай съ какими людьми хочешь ты схватиться. Не думаешь ли ты, что мы без- сильные дѣпи, или осла- блены, нѣгою воспианія? — »

Абеллино опвѣчалъ ему презрипельнымъ взглядомъ. Машпео разсердился. Его шоварищи забили въ ладоши, и крики ихъ, казалось, давали сигналъ къ начаіію сраженія. —

« Смоприше, берегипесь, сказалъ Абеллино, ибо мнѣ хочется побѣдипь васъ — и въ шуже минушу схвапиль высокаго Машпео, перешвырнулъ его какъ ребенка, черезъ свою голову; пихнулъ Спруцца правой, Пеприно лѣвой рукой, удариль Томаса такъ, что шопъ полешѣлъ навзничъ, а Балюццо схвапивъ положиль по шихоньку на скамью. Нѣсколько минушь побѣжденные не могли опомнипсья. Абеллино вызывалъ ихъ еще; шрепещущая Цинпія не смѣла вѣрипъ глазамъ своимъ.

Ай, поварищъ! сказалъ Маттео, почесывая ушибенные чашпи, по всему пы dospoинъ долженъ бытъ нашимъ начальникомъ. Циншя, отдавай ему должное почпеніе, и дай ему лучшую нашу комнапу. — л

« Вѣрно онъ въ тѣсной дружбѣ съ сапаною, ворчалъ сквозь зубы Томасъ, вправляя ушибенную руку.

Никому не хотѣлось начашь снова сраженія. Уже было весьма поздно; и первые лучи солнца начали освѣщашь горизонтъ, когда разбойники проспились и разошлись по своимъ комнапамъ.

Г Л А В А IV.

Кинжалы.

Не одинъ страхъ произвелъ Абеллино въ душахъ своихъ сошоваищей. Эпопъ новой геркулесъ пошчасъ получилъ къ себѣ опъ нихъ безпредѣльную довѣренность. Всѣ умѣли цѣнишь качества, предвозвѣщавшія въ немъ великаго злодѣя— и за нихъ всѣ любили его. Необыкновенная его сила и всегдашнее присушество дѣла произвели весьма благопріятное для него въ нихъ дѣйствіе. Сама Цинпія почувствовала бы къ нему нѣкоторую склонность, естлибъ могла при-

выкнупъ къ опврапшительному его виду.

Абеллино скоро увѣрился, что Машпео былъ начальникъ этой шайки. Эпопъ проворной, дѣятельный, и неустрашимый человѣкъ, безчувственный къ угрызеніямъ совѣсти, дошелъ до высочайшей степени злодѣйства. Ему опдавалась добыча, и цѣна крови, проливаемой ежедневно его сообщниками. Ее дѣлили на равные часпи, Машпео бралъ себѣ не болѣе прочихъ. Онъ не могъ исчислить своихъ жертвъ и позабылъ имена нѣкоторыхъ, но онъ любилъ рассказывать, въ минуты опдохновенія, про свои подвиги, чтобъ возбудить благородную ревность въ своихъ слушапеляхъ. Оружія его лежали особливо и занимали цѣлую комнапу.

Тамъ находилось до ста различныхъ кинжаловъ , духовыя ружья , пистолепы , яды и плащья разныхъ родовъ для переодѣванія.

Однажды онъ велѣлъ Абеллино иши за нимъ въ эпошь Арсеналь , и сказала ему : — « Слушай Абеллино , я не обманулся. предсказавъ , что ты , будешь насъ доэпоинь . Пора тебѣ самому снискивать хлѣбъ , до сего времени мы тебя кормили изъ жалости . Возьми эпошь спальной кинжалъ ; я научу тебя съ ловкостью управлять имъ вопъ другой кинжалъ хрустальной — рапы имъ нанесенныя — неизлѣчимы . Какъ скоро ты вонзишь его въ кого нибудь , то переломи , и будь увѣренъ , что никакая сила не въ соспоянїи будешь вынуть

изъ раны оплomoкъ. Вопшь еще прешій кинжалъ, онъ намазанъ смершельнымъ ядомъ, коль скоро хопя малѣйшая его часпица попадешъ въ рану — по человекъ умираешъ.

Абеллино затрешпалъ при-
нимая сїи орудїя смерти.

« Имѣя такое вѣрное ору-
жїе , сказалъ онъ , вы конечно
воровспвомъ много набрали
себѣ богатпства? —

« Нѣшь , Абеллино , воров-
спво намъ не извѣспно , ска-
заль Машпео съ гнѣвомъ! не
ужели пы почипашь насъ за
пѣхъ низкихъ людей, копорые
опустошають карманы и ло-
мають замки? — »

« Можешъ бышь желая бышь
выше ихъ , вы еще болѣе уни-
жаешь. Поговоримъ откпро-
венно — эти низкїе люди до-

вольспвуюшся кошелькомъ , а много , ежели удастся имъ изломать замокъ и опуспошить сундукъ , копорой снова можешъ наполнишся ; но мы , Машпео , похищаемъ у чловѣка жизнь , благо , копорое ему опяшь никогда возвращено быть не можешъ . Эпотъ родъ воровспва не гораздо ли ужаснѣе ? — »

« Чшо это значишь , Абеллино ? не хочешъ ли ты преподавашъ мораль ? » — Еще одно слово ! придетъ время , въ которое воръ и убійца предстанутъ предъ Всевышняго Судью ; кто изъ нихъ смѣлѣе будешъ смотрѣшь на Него ?

Вмѣсто отвѣта , Машпео улыбнулся . — « Не думай , продолжалъ Абеллино , чшобъ боязнь заспавляла меня говоришь

слова сїи. Чшобъ шы не възъмѣль такого подозрѣнїя, я сей часъ переколю половину сенаша ! — »

Безразсудный ! развѣ шы не знаешь, что шакїе люди, какъ мы, должны занимашься наспоющимъ, будущее для всѣхъ неизвѣстно; изслѣдуй, что такое добродѣшель? — Ничто иное, какъ одобренное правленїемъ, обычаями и воспитанїемъ. Завтра же люди, еспьли захопшяшь, спанушь называшь добродѣшью то, что нынче называющь порокомъ. И шакъ не поддавайся предразсудкамъ, помни, что мы шакїе же люди, какъ Дожи и Сенаторы, и споль же хорошо, какъ они, можемъ опличашь справедливое опъ несправедливаго, порокъ опъ добродѣшли.

Ты можешь быть скажешь, что ремесло наше безчестно — а что такое честь? слово не имѣющее смысла, пустой вымысль воображенія. Спой на улицѣ и спрашивай всѣхъ проходящихъ, въ чемъ состоишь честь; расповщикъ скажешь тебѣ: честь состоишь въ богатствѣ, и у того много чести, кто имѣетъ много денегъ. — Не правда, воскликнешь сластолюбецъ! она состоишь въ томъ, чтобъ нравиться прекрасному полу и поржесствовать надъ его цѣломудріемъ. — Какой вздоръ! скажешь воинъ, братъ города разбивашъ арміи, раззоряшъ провинціи — вошъ истинная честь. Мудрецъ поставляешъ ее въ томъ, чтобъ считаешъ число спраницъ, имъ прочитанныхъ или сочиненныхъ;

набожныя старухи въ помѣч тобѣ стипать , сколько они сдѣлали добрыхъ дѣлъ и сколько имъ искушеніямъ воспрошивились ; честь кокешки зависитъ отъ числа ея обожателей . Всякой поспавляетъ честь въ различномъ и всякой дастъ теобъ особенный отвѣтъ . Для чего же и намъ не думать , что честь состоитъ въ опвятїи жизни , жизни у нашихъ непрїятелей ? —

« Жаль Маппео , что ты не учишель , а разбойникъ ; ты былъ бы славный профессоръ философїи . » —

« Ты хочешь пошупитъ Абеллино , а между тѣмъ говоришь правду . Я былъ воспитанъ въ монастырѣ . Отець мой былъ Прелатъ въ Италїи , а мать , монахиня Урсулина , которую почитали богомольною и цѣло-

мудренною. Родителямъ моимъ за благоразсудилось въ пайнѣ меня учить. Ощущу моему хотѣлось видѣть меня нѣкогда начальникомъ церкви; но я скоро почувствовалъ, что кинжалъ былъ для меня лучше священныхъ книгъ; я послѣдовалъ внушенію моего сердца, и, какъ мнѣ кажется, ученіе моей юности не оспалось въ пунѣ; ибо оно заставило меня презирать сіи мечты воображенія. Перестань, братъ, такъ думать; послѣдуй моему примѣру и не бойся ничего.» Вотъ шебѣ ученіе — но намъ пора уже расстаться — прощай. —

Г Л А В А V.

Уединеніе.

Уже прошло шесть недѣль съ пребыванія Абеллино въ Венеціи, и однакожь рука его не обагрилась кровію невинности. Собственное его опвращеніе или недоспапокъ благопріятныхъ случаевъ, трудность знашь всѣ переулки города, были причиною его бездѣйствія, но конечно бы оно кончилось, еспьлибъ кшо нибудь попребовалъ его услугъ въ опняшіи чьей бы то ни было жизни.

Онъ началъ скучашь эшимъ бездѣйствіемъ, ибо не могъ въ немъ долго оспавашься.—

Удрученный печальными мыслями, бродилъ по улицамъ Венеціи, ходилъ въ кофейныя шракширы, сады и словомъ, во всѣ мѣста, въ которыхъ обитаетъ радость.

Однажды вечеромъ онъ долѣе другихъ оспался въ одномъ изъ шѣхъ прекрасныхъ садовъ, которые составляютъ первое украшеніе Венеціи. Находясь довольно, легъ онъ оплохнувшись на берегу моря. Взоръ его успрямленъ былъ на волны, въ коихъ видна была колеблющаяся луна. —

«Уже прошло четыре года, сказалъ онъ со вздохомъ, съ той минутой, какъ я въ первый разъ поцѣловалъ Валерію — уже прошло четыре года съ шѣхъ поръ, какъ она произнесла признаніе въ любви своей ко мнѣ.

Ахъ ! какъ чисто было небо ! какъ сладоспень была эшошь вечеръ ! » —

Онъ замолчалъ , и предался печальнымъ воспоминаніямъ .

Все было тихо и спокойно вокругъ Абеллино . Ни одинъ листокъ не колыхался опъ вѣтра — но ужасная буря свирѣпствовала у него въ сердцѣ .

Могъ ли я тогда подумашъ , что буду разбойникомъ въ Венеціи ! Ахъ ! куда дѣвались шѣ пріятныя надежды , шѣ славныя намѣренія , копорыя я имѣлъ въ своей юности ! Теперь я подлый убійца ; — лучше , еслибъ я оспался добродѣтельнымъ нищимъ .

« Какой жаръ ощущалъ я въ сердцѣ , когда мой спарый отецъ , въ воспортѣ и съ опеческою гордоспію говорилъ мнѣ

прижимая къ груди своей: о сынъ мой! ты будешь честію нашего рода; слушая лестныя сїи слова, мнѣ казалось, что все хорошее все великое исполнишь не спудно. Увы! опецъ умеръ пользуясь всеобщимъ уваженіемъ. — Сынъ — подлый убійца! какими прїяпными красками представлялъ я себѣ будущее, когда учители, спаравшіеся о моемъ просвѣщеніи изъ любви ко мнѣ, говорили: Графъ, вы сдѣлаете безсмертнымъ славное имя Розальво! Съ душевнымъ спокойсїемъ возвращался я къ Валеріи, и въ невинныхъ ея объятїяхъ вкушалъ чиспья радости. Чье сердце можетъ пропивиться Розальву, говорила она мнѣ... Прочь, обманчивыя мечты! вы наполняете опчаянїемъ мою душу! —

Онъ опяпъ замолчалъ ; потомъ въ ярости, поднявъ одну руку къ небу , другою ударяя себя въ носъ , вскричалъ :

« Убійца! . . . Розальво сдѣлался невольникомъ , сообщникомъ величайшихъ преступниковъ въ Венеціи ! несчастная судьба довела его до сего поспыднаго состоянія .

Онъ вспалъ , глаза его сверкали ; онъ не много успокоился — дыханье его облегчилось — если я недостигну того величія , къ копорому спремился Розальво, по крайней мѣрѣ буду столько великъ, сколько можно быть убійцѣ. Щаспливые шѣни ! вскричалъ онъ торжественнымъ голосомъ , упавъ на колѣни ! шѣнь моего родителя ! шѣнь моей Валеріи ! я не буду недостоиинъ васъ, будьте сви-

дѣшелями моихъ кляпвъ, если вамъ дозволено носиться надо мною. Да, я клянусь, что Розальво не обезчеститъ предковъ своихъ, не сдѣлаетъ щещными пѣхъ надеждъ, кои услаждали послѣднiя минуны жизни вашей; убійца Абеллино будетъ умѣть покорить шайку разбойниковъ, кошорыхъ онъ шеперь невольникъ; онъ заставишь попомство уважать имя, кошорое онъ прославишь своими дѣлами.

Онъ упалъ на землю, и слезы полились изъ глазъ его. Душа его занималась важными предпріятіями, и онъ находился въ эпомъ соспоянiи, похожемъ на безуміе, цѣлой часъ. Наконецъ онъ вспалъ, горя желаніемъ исполнить свой намѣренiя. —

« Я не буду причастникомъ преспуленій сихъ злодѣевъ — одинъ попрясу всю республику; чрезъ восемь дней всѣ разбойники погибнутъ на эшафотѣ. Венеція будетъ отъ нихъ освобождена. Я останусь одинъ изъ сей ужасной шайки — одинъ, буду прошиву-стоять могуществу Дожа, буду опличать справедливаго отъ несправедливаго, наказывать виновнаго и защищать добродѣтельнаго. Чрезъ восемь дней, въ Государствѣ не будетъ сихъ чудовищъ, коихъ существованіе прошивно природѣ, я останусь одинъ. Тогда люди довольно злые, для того, чшобъ имѣть намѣреніе убійства, но не довольно смѣлые для того, чшобъ его исполнить — найдушъ только меня

одного въ жилищѣ моихъ сообщниковъ. Я узнаю имена ихъ знаменитыхъ злодѣевъ, которые торгуются съ Машпео, и его поварищами въ плащѣ за кровь своихъ ближнихъ, — и иногда-то Абеллино вспомнишь кляпву свою! — да раздаётся имя Абеллино въ стѣнахъ Венеціи, и да вострепещеть она!!»

Упоенный надеждою онъ поспѣшно вышелъ изъ сада, позвалъ лодшника, и возвратился въ свое жилище Циніи, гдѣ всѣ уже покоились.

Г Л А В А VI.

Розабелла.

« Слушай, брагпъ, сказаль на другой день Мапшео Абелли-нѢ, сего дня долженъ ты сдѣ-лашь начало будущихъ дѣль твоихъ! » —

« Сего дня! — сказаль Абел-лино; на кого падешь первый ударъ моей руки? » —

« Не удивляйся — на женщи-ну. Надобно ободрить начинаю-щего. Я желаю видѣшь, какво исполнишь ты эшо дѣло, — и пойду съ тобою вмѣстѣ. »

Абеллино посмопрѣль съ ви-домъ удивленія на Мапшео.—

« Сего дня въ чепыре часа продолжалъ послѣдній, пой-

демь мы вмѣстѣ въ садъ Долабеллы, находящійся на южной сторонѣ Венеціи. Мы будемъ переодѣты. Прекрасная Розабелла де Корфу, племянница Дожева, имѣешь обыкновеніе въ немъ прогуливаться. Мы на нее нападемъ и послѣ... Тебѣ извѣстно что надо дѣлать. —

« И ты пойдешь со мною вмѣстѣ? » —

« Я такъ дѣлывалъ со всякимъ изъ нашей шайки, да къ тому же могу быть свидѣтелемъ перваго твоего успѣха, Спарайся нанеси ударъ вѣрнѣе. Есть люди, которые желаютъ смѣрти; награда будетъ соразмѣрна заслугѣ. Погибель Розабеллы, утвердитъ болѣе наше благополучіе. —

Уже былъ полдень. Они скоро сдѣлали свои распоряженія , и коль скоро на колокольнѣ ударило чепыре часа, оправились къ своему дѣлу. —

Они пришли въ садъ Далабеллы , въ коемъ было людей болѣе обыкновеннаго. Всѣ знашнѣйшія вельможи Венеціи находились въ немъ. Всякой искалъ пѣни. Роши наполнены были любовниками, копорые желали бы вмѣсто пѣни — ношной темноты ; повсюду раздавалась музыка — и мелодическія шоны ея протали душу.

Абелино замѣшался въ толпу. Искусно надѣпный парикъ скрывалъ нѣкопорую чзсть опврапшительнаго его лица. Онъ подражалъ походкѣ и всѣмъ пѣлодвиженіямъ дряхлаго , больного старика, опирался на ко-

спыль и медленно расхаживалъ среди собранія Дорогое плашье, лѣпа, мнимая дряхлость — возбуждали во всѣхъ къ нему уваженіе. Нѣкоторые разсуждали съ нимъ о коммерціи, полицикѣ — и Абеллино говорилъ какъ знапокъ.

Онъ старался узнать была ли Розабелла въ саду, въ какомъ плашѣ и въ какой часѣ сада можно было бы ее найти? — ему отвѣчали на всѣ вопросы.

Онъ поспѣшнѣ пошелъ шуда, гдѣ она была — Машпено шелъ подлѣ него. —

Розабелла сидѣла одна, въ самой отдаленной рошѣ.

Абеллино подошелъ къ ней, и вдругъ зашатался, какъ будто человекъ готовый упасть въ обморокъ. Розабелла взглянула на него.

« Увы ! вскричалъ онъ , не
уже ли никто не подасишь по-
мощи дряхлому спарику. »

Племянница Дожа подбѣ-
гаешъ , желая подати ему по-
мощь. —

Что съ вами сдѣлалось ? —
спросила она его кропкимъ
голосомъ , усpreмя на него
благосклонный и безпокойный
взоръ.

Абеллино сѣлъ на скамью ,
находившуюся въ роцѣ. —

Да вознаградишь Богъ ваше
великодушiе ! , милоспивая го-
сударыня. » Онъ приподнялъ
голову , глаза его встрѣтились
съ глазами Розабеллы — онъ по-
краснѣлъ. Розабела стояла въ
молчанiи подлѣ переодѣвато
убiйцы. Спрахъ , внушенный ей
соспоянiемъ спарика , заста-
влялъ ее прешашъ. О ! какъ

много чувствительность придает блеску красотою. Она нагнулась и спросила того, кто пришел умертвить ее. Не лучше ли вамъ? —

«О! лучше, гораздо лучше!» сказала она слабымъ голосомъ. Не вы ли племянница Дожа? Прекрасная Розабелла де Корфу? —

«Точно такъ.» —

«Сударыня, — . . . я долженъ вамъ сказать. . . . Не пугайтесь. . . . Тайна, которую я хочу вамъ открыть, весьма важна, и должна обратиться на себя все ваше вниманіе. Какъ злобны могутъ быть люди! . . . Сударыня, ваша жизнь въ опасности.»

Розабелла запрепепала; блѣдность покрыла лице ея. —

« Хотите ли вы видѣть вашего убійцу? успокойтесь, вы не умрете, но храните молчаніе, отъ него зависить жизнь ваша » Розабелла была сильно поражена. Присутствіе шарика наводило ей ужасъ. —

« Не бойтесь ничего; вы внѣ опасности, коль скоро я съ вами. Прежде нежели вы выдете изъ этой комнаты, убійца будетъ лежать бездушень у ногъ вашихъ. » —

Розабелла хотѣла убѣжаться. Но вдругъ слабость шарика исчезла, топъ, кто едва произносилъ слова, и кто не могъ стоять на ногахъ, удержалъ ее силою подлѣ себя.

« Ради Бога, пустите меня — вскричала она. »

« Вы находитесь подъ моимъ покровительствомъ. — Я буду умѣть защитить васъ. »

Сказавъ сїи слова Абеллино свиснулъ.

Машпео, спрятавшійся за куспарникомъ, шопчасъ выбѣгаешъ. Абеллино кладешъ Розабеллу на дерновую скамью, приближаешся къ Машпео, и вонзаешъ въ него кинжалъ свой!

Начальникъ разбойниковъ, не испуспя ни одного крика упалъ на землю — и умеръ въ ужасныхъ конвульсїяхъ. Убійца Машпео возвратился къ Розабеллѣ, и нашель ее почпи безъ чувспвѣ.

♦ Теперь, сударыня, жизнь ваша спасена. Злодѣй приведшій меня сюда для того, чпобъ умершвить васъ, плаваешъ въ крови своей. Успокойтешъ. Возвратитешъ къ Дожу вашему дядюшкѣ, и скажитешъ ему, чпо

вы одолжены жизнью Абеллино.» —

Розабелла не могла произнести ни одного слова. Трепеща, обняла она своего благодѣтеля, схватила руку его, и въ восторгѣ благодарности прижала ее къ уснамъ своимъ.

Абеллино съ восхищеніемъ разсматривалъ невинную жертву, спасенную имъ отъ смерти; и можно ли было безъ восхищенія смотрѣть на нее! Розабеллѣ было 17 лѣтъ; широкое плащье окружало спящую ея; въ большихъ голубыхъ глазахъ, видны были невинность и крошечность; лобъ ея не уступалъ въ бѣлизнѣ слоновой кости, и покрывъ былъ множественномъ локоновъ изъ густыхъ, свѣтлыхъ волосъ; щеки покрывные бѣлостью; уста, нико-

гда не оскверненные поцѣ-
луемъ обольстившаго. Такова
была Розабелла.

Натура совершивъ ее, дала
ей всѣ совершенства — и такъ
не удивительно, что Абеллино
взглянувъ на всѣ сїи красоты,
нѣсколько минутъ былъ въ об-
вороженїи, и поперялъ навсегда
душевное спокойствїе. —

О! Розабелла! вскричалъ онъ,
ты прекраснѣе Валерїи.

Онъ нагнулся, и пылающїе
его уста напечатали поцѣлуй
на блѣдной щекѣ Розабеллы. —

« Удались, ужасной чело-
вѣкъ, сказала она испугавшись,
удались! » —

« Кто можешь пропиви-
стоять твоимъ прелестямъ,
Розабелла! Ахъ! для чего я...
знаешь ли ты, кто осмѣлился
поцѣловать тебя? Поди, скажи

своему дядѣ, скажи этому гордецу, что я — разбойникъ Абеллино. — Окончивъ сіи слова — онъ ушелъ.

Г Л А В А VII.

Догадки.

Лишь только Абеллино вышелъ изъ роши, нѣсколько людей прохаживающихся по ней, увидѣли мершвое шѣло Мапшео, а подлѣ него препенущую и блѣдную Розабеллу.

(Вся компанія подошла къ ней; любопытные сбѣгались, и такъ какъ толпа увеличивалась часъ отъ часу болѣе, то Розабелла должна была рассказать подробно все съ нею случившееся.

Иѣкошорые придворные Дожа, бывшіе шакже въ шолпѣ, опшыскали слугъ Розабеллы. Гондола уже дожидалась ее; и еще не совершенно оправясь отъ спраха, племянница Дожа сѣла въ нее и благополучно прибыла во дворець своего дяди.

Напрасно оспанавливаны были всѣ гондолы; напрасно разсмашривали всѣхъ людей, находившихся въ Долабеллѣ, когда найдено было шѣло убійцы — шакшо не опкрылъ ни малѣйшихъ слѣдовъ Абеллины.

Слухъ объ эшомъ спранномъ произшествіи скоро разнесся по всей Венеціи. Имя ее благодѣшеля весьма глубоко напечатлѣлось въ памяти Розабеллы, и шакъ какъ она при всѣхъ разсказывала случившееся съ нею произшествіе, шо

всякому сдѣлалось извѣстнымъ ужасное имя Абеллино. Онъ былъ предметомъ всеобщаго любопытства и удивленія. Всѣ сожалѣли о Розабеллѣ, и проклинали злодѣя, копорой имѣлъ столько злобы, чшобъ подкупить Машшео убить ее — всякой спарался собрать въ памяти своей различныя произшествія, и выводилъ изъ нихъ свои заключенія. — Но изъ всѣхъ эшихъ догадокъ, трудно было сказать, копорая была глупѣйшая.

Всѣ слышавшіе это приключеніе рассказывали его съ нѣкоторыми прибавленіями — и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока изъ него сдѣлали совершенной романъ, копорой можно было бы назвать: *могущество красоты*; ибо Вене-

ціанскія дамы все это разска-
зывали, такъ какъ хотѣлось
женскому ихъ честолюбію, и
увѣрили всѣхъ, что Абеллино
безъ сомнѣнія умерщвилъ бы
Розабеллу, еспьлибъ необыкно-
венная красота ея не умягчила
сердца сего варвара. Всѣ дума-
ли, что сія спраспъ, въ немъ
возгорѣвшаяся, не понравившя
Принцу Мональдечи, богатому
Неаполитанцу знашной фами-
ліи, назначенному въ супруги
Розабеллѣ. Дождъ тайно спа-
рался заключипъ бракъ между
своею племянницею и человѣ-
комъ, споль знаменимымъ.
Принцъ былъ уже на пути въ
Венецію. Не взирая на оспо-
рожность Дожа, всѣ узнали
причину эшаго пупешествія;
одной шолько Розабеллѣ, ко-
порая никогда не видала Мо-

пальдечи, и не могла понять, для чего прѣзда его ожидають съ такимъ нешерѣвнѣемъ — была неизвѣспна сѣя причина.

Сперва вѣрили разсказу Розабеллы; но женщины начали говорить, что она принимала болѣе участія въ эпомъ произшесивїи. Поцѣлуй, полученной ею опъ убійцы, былъ пищею ихъ злословїя. Они соглашались въ важности услуги, оказанной Абеллиномъ Розабеллѣ, но также и сомнѣвались, чшобъ разбойникъ, находясь наединѣ съ такою прекрасною дѣвушкой, былъ доволенъ споль малою наградою, и чшобъ человекъ его званїя могъ чувспвовапѣ цѣломудренную любовь.

Короче сказапѣ, приключенїе Розабеллы и Абеллино, какъ онъ ни былъ ужаснымъ, сдѣла-

лось единственнѣмъ предметомъ насмѣшекъ злыхъ и праздныхъ людей — и наконецъ дошло до того, что ей дали почтенное названіе, любовницы разбойника.

Между тѣмъ Дожь Андрей, человекъ съ превосходнымъ характеромъ, хотя гордый, безпрестанно старался розыскашь это дѣло. Онъ поспѣлъ опудаль спротіе приказанія, чшобъ вездѣ оспанавливали подозрительныхъ людей : ночные караулы были удвоены, и шпіоны старались опкрыть Абеллино; но все тщетно — шкпо не могъ узнать его убѣжища. —

Г Л А В А VIII.

Заговоръ.

« Какъ ! вскричалъ Пароцци, благородной Венеціанецъ знатнаго происхожденія, Машпео убить ; чшобы ч... побрадь непроворспво его; однакожь я не могу поняшь какимъ образомъ его убили ; не уже ли онъ узналъ мою шайну ? я знаю что Веррино, любить Розабеллу. Не ужели онъ вооружилъ прошивъ Машпео, этого Абеллино. Не ужели препоручилъ онъ ему защищать ее, онъ моихъ покушеній на ея жизнь? — Я долженъ его опасаться. — Естьли Дождь спанеть старапсья

открыть, кто осмѣлился во-
оружить убійцу прошивъ его
племянницы, на кого, кромѣ
меня, падеть его подозрѣніе;
кромѣ меня, коего руку отвер-
гла Розабелла, и къ коему Ан-
дрей пишетъ непримиримую
ненависть! Еслили хоть од-
нажды придетъ ему въ голову
эша мысль, то ему не трудно
будетъ все открыть? Онъ вѣр-
но узнаетъ, что я сдѣланъ на-
чальникомъ надъ шайкою моло-
дыхъ повѣсь... ибо какое другое
названіе можно дать дѣшьямъ,
кошорья, чпобъ избѣжать за-
служеннаго наказанія, зажи-
гающъ домъ родителской.
Что со мною будетъ, ежели
все это откроется? —

Его размышленія прерваны
были приходомъ Меммо, Фаль-
ери и Каншоринно, молодыхъ

Венеціянъ изъ знапныхъ фамилій, и неразлучныхъ поварищей Пароцци. Но развращенные нравы, распроенное опъ распушсхва здоровье, и распоченное соспоянїе, дѣлало ихъ извѣспными въ Венеціи.

« Чшо я услышалъ, Пароцци! вскричалъ Меммо, у копораго во всѣхъ черпахъ лица видно было сласполюбїе; я не могу довольно надивисься; скажи поскорѣе, вѣришь ли мнѣ носящимся слухамъ? Правда ли, чшо ты подговориль Машшео убить племянницу Дожа? »

« Я! вскричалъ Пароцци, спарялсь скрыть блѣдноспть покрывшую лице его въ сїю мнупу; не ужели ты почипаешь меня способнымъ къ шакому намѣренїю? — Нѣтъ, я не въ соспоянїи эшого сдѣлать! »

Меммо. Я тебѣ сказываю то, что слышалъ.

Фальери. Думаю поже, это слышалъ.

Фальери. Да, я узналъ на вѣрное, что Ломеллино объявилъ Дожу за неоспоримую истинну, что Пароцци подговорилъ Мантшео убить его племянницу, и что кромѣ Пароцци нѣкому этого сдѣлать.

Пароцци. Ломеллино клеветникъ!

Канторино. Пусть такъ! — Но ежели ты винованный, по opinюдь не признавайся; берегись. Опасно имѣть дѣло съ Андреемъ — онъ ужасной человекъ.

Фальери. Андрей ужасень! храбрость, если онъ ее имѣеть, есть его единственная добродѣтель; никогда, кромѣ

презрѣнія, не поселишь онъ во мнѣ другаго къ себѣ чувствва.

Канторино. Беретись, Фальери, ты обманываешься, Дождь смѣль и хипрь.

Фальери. Ты бы скоро увидѣль подъ правленіемъ сего великаго человѣка, повсюду царствующей безпорядокъ въ Венеціи, еслибъ небо изъ жалости не дало ему друзей, которые гораздо его умнѣе. Опними у него, Паоло, Монфроне, Конари и Ломеллино, и Дождь сдѣлается орапоромъ, позабывшимъ свою рѣчь. —

Пароци. Фальери говоришь правду.

Меммо. И мнѣ тоже кажется.

Фальери. При всемъ томъ Андрей гордится, подобно человѣку низкаго сосоянія, когда на него въ первой разъ надѣ-

ваюшъ богатое плашье. Гордосшь его день опо-дня становившья несноснѣе. Не видите ли вы, съ какимъ спараніемъ хочешъ онъ увеличитъ число своихъ приверженцовъ?

Меммо. Это весьма при-мѣпно.

Канторино. Какія границы можно шеперь прошивуположитъ его честполюбію? — Онъ на все имѣетъ влїянїе! Сенашь, уголовной Судъ, Прокурашоры Свяпаго Марка, всѣ мысляшь и дѣйспвующъ по волѣ Дожа. Каприсъ и желанїе его приводяшь въ движенїе всѣхъ эшихъ куколь, копорыя верпящя по волѣ машиниста стоящаго за занавѣсомъ.

Пароцци. И между шѣмъ, ослабленнаа чернь обожаешъ Андрея.

Меммо. За это еще болѣе надобно его ненавидѣть.

Фальери. Будте увѣрены, что скоро щастіе перестанетъ ему благопріятствовать.

Канторино. Да, что могло бы случиться, еслибъ мы постарались повалить этотъ ужасной колоссъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ чтобъ дѣлать предпріятія насъ достойныя, мы въ бездѣйствіи провожаемъ жизнь нашу. Игра, обжорство и распущенство занимающъ насъ ежеминутно. Мы умножаемъ безпрестанно долги свои, и скоро уже перестанутъ намъ вѣрить. Рѣшились на славное дѣло! поколеблемъ Дожа и его могущество, соберемъ прежнихъ нашихъ сообщниковъ, увеличимъ число ихъ новыми, и не будемъ жалѣть ничего. Мо.

жеть быть предпріятіе не удался, — но тогда мы будемъ умѣшь оставишь свѣшь, не для насъ сотворенный.

Меммо. Ты сказалъ правду, Канпорино; эшошь свѣшь сотворень не для насъ. Повѣрите ли, друзья, что уже шесть мѣсяцовъ, заимодавцы не опходяшь опъ моихъ дверей. Всякое упру приходяшь эпи невѣжи меня беспокоишь, и всякой вечеръ я засыпаю при ихъ безпреспанныхъ жалобахъ! —

Пароцци. Что касашя до меня, я не имѣю нужды описывать вамъ положенія дѣль моихъ.

Фальери. Если бы мы были не стюлько безразсудны, тобъ шеперь сидѣли спокойно въ нашихъ домахъ, и говорили бы совѣмъ не шо. Но шеперь...

Пароци. Хорошо! но теперь! Фальери говоришь Мораль.

Контарино. Такъ обыкновенно поступаютъ легковѣрные грѣшники въ своей спароси, оплакиваютъ они прошедшее, и раскаиваются въ своихъ проступкахъ. Что касается до меня, я не чувствую ни малѣйшаго сожалѣнiя о томъ, что удался отъ души нравственности и благоразумiя. Всѣмъ хочется по немъ идти; заблужденiя мои доказываютъ мнѣ, что я не рожденъ бытъ подобнымъ тѣмъ людямъ, которые съ хладнокровiемъ и въ бездѣйствiй, удивляются необыкновенному. По всему видно, что природа сотворила меня бытъ распутнымъ, и я повинуюсь своей судьбѣ. Если бы изрѣд-

ка не производила она такихъ умовъ какъ наши, чтобъ люди заснули отъ однообразности; но мы пробуждаемъ ихъ — перемѣняя установленный порядокъ вещей, заставляемъ ихъ быть проворнѣе; мы служимъ загадкою для милліона дураковъ, которые мучатъ безъ успѣха свой умъ, чѣмъ опгадашь насъ. Мы даемъ новыя понятія людямъ, словомъ, мы такую же приносимъ пользу, какъ бури, производимые природою для того, чѣмъ разогнать пары, которые умерщвили бы ее.

Фальери. По чеспи, Контарино, ты разсуждаешь славно, для чего не родился ты въ цвѣтущія времена Рима? Тебя сдѣлали бы орапоромъ. Жаль только того, что ша-

кое множество громкихъ словъ
 вмѣщая въ себѣ такъ мало
 умнаго. Знай, что между тѣмъ,
 какъ ты безжалостно мучилъ
 слишкомъ перрѣлизыхъ слуша-
 шелей своимъ краснорѣчьемъ,
 Фальери, не такой орапоръ
 какъ ты, дѣйствоваль. Кар-
 диналь Гонзага недоволенъ пра-
 вильнѣе твоимъ. Не знаю при-
 чины ненависти его къ Андрею,
 но она непримирима. Гонзага
 нашъ участникъ.

Пароци. (Съ удивленіемъ
 смѣшаннымъ съ радостью).
 Не уже ли въ самомъ дѣлѣ,
 Кардиналь Гонзага?

Фальери. Онъ совершенно
 нашъ. Правда что я долго его
 уговариваль, изображая ему
 нашъ напроіопизмъ, наши бле-
 спящіе замыслы и нашу лю-
 бовь въ вольности. Короче

сказать , Гонзага лицомъ , и Гонзагъ не лъзя было не быть нашимъ .

Контарино (пожимая руку у *Фальери*) хорошо мой другъ ! Венеція увидитъ новыхъ Капилиновъ , подражающихъ сему великому заговорщику . Теперь пришелъ мой чередъ говорить ; я докажу вамъ , что я не оставался въ бездѣйствіи ; хоть правда и ничего не сдѣлалъ слишкомъ важнаго , но у меня въ рукахъ находится сѣпъ , въ которую я непремѣнно поймаю половину Венеціи . Вы знаете Маркизу Олимпию ! —

Пароци. Развѣ у насъ нѣтъ респра всѣхъ хорошенькихъ дѣвушекъ республики , какъ же было можно пропустить Маркизу ?

Фальери. Олимпія и Розабелла, два божества Венеціи; на ихъ олшаряхъ юность наша сожигаетъ свой фиміамъ.

Контарино. Олимпія моя.

Фальери. Возможно ли! Олимпія?

Контарино. Къ чему эпо удивленіе? не уже ли эпо такъ странно! да! я вамъ повѣрю, что Олимпія моя, и что я имѣю всю ея довѣренность. Не нужно вамъ сказывать, наша связь должна основываться тайною; знайте, она однихъ съ нами мыслей; а вамъ вѣдь извѣстно, что она можетъ привлечь, половину Венеціанскаго дворянства на свою сторону.

Пароци. Счастливыи Кантарино? ты нашъ начальникъ.

Контарино. Вы не думали, чтобъ я могъ доставить вамъ такого сильнаго соповарища.

Пароцци. Что касается до меня, я долженъ краснѣть о моей бесполезности до сей минуты. Однакожь еспьлибъ Маштео, копорой былъ подговорень мною, умершвилъ Розабеллу, то я бы разорвалъ цѣпь, копорой прикованы къ Андрею начальники правленія. Безъ Розабеллы, они перестали бы посѣщать его замокъ. Знапнѣйшія фамиліи, не съ такою ревностью старались бы получить его дружество, коль скоро бь испребилась ихъ надежда, увеличивъ свое могущество и богатство союзомъ съ племянницею и наслѣдницею Андрея.

Меммо. Я могу только доставить вамъ деньги для поддержанія нашего намѣренія. По смерти моего дяди доспа-

нется мнѣ все его имѣніе. Сундуки его наполнены золотомъ; споишь только сказать слово, и старой скряга опсправится на шѣшь свѣшь. —

Фальери. Если это такъ легко сдѣлать, то для чего же ты такъ долго мѣшкаль? Онъ уже и то довольно пожилъ.

Меммо. Я никакъ не могъ преодолѣть въ себѣ нѣкспорыхъ предразсудковъ... Повѣрише ли вы, друзья мои, мнѣ иногда кажется, будто я чувствую угрызенія совѣсти.

Контарино. Не уже ли! — Коль скорѣ такъ, то я совѣтую тебѣ иппи въ монастырь.

Меммо. Да, мнѣ кажется, что монашеское платье очень бы ко мнѣ приспало.

Фальери. Мы прежде всего должны спарашься ошыскаль эшихъ бездѣльниковъ, сообщниковъ Машпео, кошорые нѣкогда были для насъ споль полезны. Однакожь это не такъ шо легко, ибо мы не знаемъ ихъ жилища, и до сихъ поръ имѣли дѣло шолько съ ихъ начальникомъ.

Пароци. Мы ихъ найдемъ, и вовервыхъ попросимъ ихъ освободитъ насъ ошъ прехъ шайныхъ совѣшниковъ Дожа.

Контарино. Совѣшъ хорошъ, но шрудно его исполнишъ. Ишакъ, друзья, по крайней мѣрѣ главное уже рѣшено. Или долги наши погибнушъ вмѣстѣ съ шеперешнимъ правленіемъ, или кровь наша прольешя по повелѣнію законовъ, кошорыя мы хошимъ шенерь испребитъ.

Въ помъ и въ другомъ случаѣ, — мы оспанемся спокойными.

Нужда довела насъ до краю пропасти. Намъ оспается только или спасись смѣлымъ предпріятіемъ, или погибнуть съ безчестіемъ и въ неизвѣстности. Теперь надобно намъ подумать только о помъ, откуда будемъ мы брать деньги, нужныя для нашихъ издержекъ, и какія средства употребимъ для увеличенія нашей партіи. Чисобъ досиць эпого, должно употребить всѣ обманы и хитроспи; постараемся привлечь на нашу сторону знашнѣйшихъ придворныхъ Венеціи.

Кто не согласится на обѣщанія и на деньги, пѣхъ усмиряпъ кинжалы убійць, или искусные сирены. Часто пѣжное обѣщаніе перемѣняетъ душу,

на копорую ни ужась казни, ни увѣщанія священника не могли подѣйствовать. Самая испытанная вѣрность засыпается на груди эшихъ Венериныхъ жриць.

Самыя тайныя мысли умѣютъ они выманивать своими поцѣлуями, и часто минута исполненія желаній, была предшественницею умирающей скромности. Но есѣли вы не уговорите на свою сторону сихъ опасныхъ сирень, то надобно прибѣгнуть къ Каптолицкимъ монахамъ, симъ вождямъ совѣсти. Льстите ихъ честолюбію, сулите имъ Прелатства, Епископства и Кардинальства. И будьте увѣрены, что они не будутъ въ состояніи проивустоять вашимъ обѣщаніямъ. Эти лицемѣрные

власшии пели людскихъ поступковъ, равно содержатъ въ цѣ-
пяхъ суевѣрїя и знаиныхъ и
нищихъ, Дожей и лодошниковъ,
и управляешъ ими какъ имъ
заблагоразсудится. Набравши
довольное число сообщниковъ,
мы уснокоимъ совѣспъ ихъ, съ
помощїю шѣхъ хипрыхъ лице-
мѣровъ, коихъ припворныя
молишвы и благословенїя въ
глазахъ черни, все равно, что
ходячая монета. Разспанем-
шесь друзья, и постараемся
исполнить наши намѣренїя.

Г Л А В А IX.

Ж и л и щ е Ц и н т і и.

Абеллино убивши Машпео, потчасъ перемѣнилъ плащье и снялъ все по, по чему можно бы узнать его. Это переодѣваніе такъ хорошо и проворно было сдѣлано, что онъ вышелъ вонъ, не будучи никѣмъ подозрѣваемъ. и не оставя по себѣ ничего такого, что могло бы ему измѣнить. Ночь уже наступила, когда онъ пріѣхалъ къ жилищу разбойниковъ. Цинтія отворила ему дверь, и Абеллино вошелъ въ залу.

«Гдѣ-же друзья?» сказалъ онъ такимъ голосомъ, коимъ заспавилъ трепетать Цинтію

« Они легли спать еще съ полудня, отвѣчала она. Имъ конечно надобно ѣхать куда нибудь въ эту ночь. » —

Абеллино бросился на спуль, и погрузился въ задумчивость.

« Опъ чего ты всегда печалень, сказала Цинтія подошедъ къ нему. Этопъ мрачной видъ дѣлаешь тебя безобразнымъ. » —

Абеллино не отвѣчалъ ничего.

« Ты приводишь меня въ ужась! полно Абеллино, будемъ друзьями, я начала привыкать къ твоей наружности, и теперь не ненавижу тебя; можешь быть когда нибудь... » —

« Разбуди эпихъ соней, » сказалъ Абеллино.

« Эпихъ соней! пусть ихъ спяшь! Не уже ли ты боишься »

остаться со мною на единѣ? Я споль же ужасна, какъ ты? Посмотри на меня Абеллино, какова я шебѣ кажусь?»

Сказать правду, наружность Цинтіи была совсѣмъ не отвратительна, ея глаза исполнены были огня и живости; черныя ея волосы лежали по плечамъ, губы ея имѣли розовый цвѣтъ, рука ея лежала на плечѣ Абеллино, но Абеллино помнилъ еще поцѣлуй данной имъ Розабеллѣ. Онъ вспалъ, и оттолкнулъ поспихоньку руку Цинтіи.

«Разбуди эсихъ соней, любезная Цинтія, повпорилъ онъ голосомъ не споль ужаснымъ:» Миѣ должно сію минушу поговорить съ ними. (*Цинтія медлила*). —

«Чпюжь ты нейдешь? ска- залъ онъ нѣсколько грубо.

Циншїя повиновалась въ молчанїи , но подошедши къ двери она оборотилась , и погрозила на него пальцемъ. —

Абеллино, сложивъ руки, ходилъ скорыми шагами по комнатѣ.

« Земля! избавлена мною отъ чудовища , сказалъ онъ самъ себѣ ; я не сдѣлалъ преспу- пленія , умерививъ его , ибо исполнилъ свою должность. Боже Всемогущій! Боже Милосердный! ниспошли мнѣ помощь Свою, дабы я могъ исполнишь сіе трудное дѣло. Ахъ! еспь- либъ я успѣлъ въ немъ, и еспь- либъ Розабелла была наградою за мой успѣхъ. Розабелла. . . . Какъ ! удостоитъ ли племянница Дожа , броситъ взоръ на несчастнаго Абеллину? Безум- ный ! возможно ли , чпобъ же-

ланія твои когда-либо исполнились; какой мечтѣ предается душа твоя! ужасное слѣдствіе одного взора... Прости меня, Валерія!... Не лзя видѣшь Розабеллу и не обожаешь ее! Розабелла!... еслили невозможно бышь любимымъ побою... То покрайней мѣрѣ, благородно — спарашься заслужить любовь твою. Пріятная мечта обладашь побою, доставить мнѣ нѣсколько минутъ радости. Увы! Абеллинѣ очень нужны мечты, чшобъ бышь счастливымъ. О! еслили мои желанія и намѣренія были открыты, то кпо бы не оправдалъ меня.» —

Циншя возвратилась съ четырьмя разбойниками, копорые ворчали, зѣвали, а едва могли глядѣшь.

« Ну, друзья, сказаль Абеллино, проснишесь. И прежде нежели услышите то, что я вамъ скажу, увѣрьшесь, что вы не спите, ибо иначе вы почтете за сонъ мои слова. Они приближились съ видомъ неперпѣнїя. » —

« Ну, говори, что такое случилось, сказаль Томась попягиваясь. » —

« Только то, что Машшоо, храбрый нашъ поварищъ, нашъ начальникъ, убитъ ! » —

Убитъ ! вскричали всѣ вмѣстѣ. Успрашенные взоры ихъ успремленны были на Абеллино, а Цинпїя испустя ужасной крикъ, едва не упала въ обморокъ.

Глубокое молчаніе царспивовало нѣсколько минуць. Наконецъ Томась спросиль :

Кто его убилъ?

Балуццо. Гдѣ?

Петрино. Какъ! сего дня послѣ обѣда?

Абеллино. Его нашли мертвымъ въ саду Долабеллы, у ногъ племянницы Дожа. Я не знаю, чья рука поразила его.

Цинтїя. (рыдая) Бѣдный Машшео!

Абеллино. Завтра увидите вы тѣло его на висѣлицѣ.

Петрино. — И такъ узнали, кто онъ?

Абеллино. — Конечно; и намъ предстоитъ опасность

Томасъ. — Вошь, право хорошо. —

Цинтїя. Бѣдный Машшео будетъ висѣть на висѣлицѣ.

Балуццо. Тьфу къ ч...; кто бы могъ предвидѣть, такое несчастное приключеніе.

Абеллино. Ну! чшожь вы споише какъ окаменѣлые.

Струца. Я не могу еще опомнишься! удивленіе и страхъ совсѣмъ меня. . . .

Абеллино. Не уже ли! напрошивъ шого я, услыша эту новостъ, не могъ удержашься опъ смѣха. Доброй пущь господинь Машшео! сказалъ я самъ себѣ.

Томасъ. Возможно ли?

Струца. Ты не могъ удержашься опъ смѣха, да пущь иѣшь ничего смѣшнаго.

Абеллино. Я не могу повѣришь, чщобъ можно было спрашишься шого, что мы всегда готовы дашь другимъ. Какая награда достанется намъ за веѣ наши шруды? — висѣлица или пыпка. Тотъ, кто избираетъ званіе убійцы, долженъ

пріучишь себя къ смерти— изъ рукъ ли непріятеля или изъ рукъ палача получишь ее должно. Полноше , товарищи , ободрись.

Томасъ. Тебѣ говоришь это очень легко.

Балюццо. Перестань шутить Абеллино ! швоя веселость въ такую минушу ужасна.

Цинтія. Что со мною будетъ ! бѣдный Маштео !

Абеллино. Что съ тобой сдѣлалось , дорогая моя Цинтія ! не стыдно ли тебѣ такъ ребячиться ? не хочешь ли возобновить разговоръ , коимъ мы имѣли , какъ я посылаалъ тебя будить нашихъ друзей ! сядь миленькая сюда ко мнѣ поближе , и поцѣлуй меня. —

Цинтія. Пусши меня, чудовище!

Абеллино. И шакъ швое сердце, уже перемѣнилось.

Балюццо. Право, Абеллино, шеперь не мѣсто шушкамъ, прошу тебя поберети ихъ до благопріятнаго случая, шеперь подумаемъ о томъ, что намъ надобно дѣлать.

Абеллино. Много или ничего. Одно изъ двухъ, либо ошашься шѣмъ, что мы шеперь, убивать честныхъ людей, услуживая канальямъ, кошорыя даряшъ намъ золото, въ шакомъ случаѣ, мы должны заранѣе пріугошовити себя быти повѣшенными, колесованными, осужденными на галеры, а иногда, ешшли Богу будешъ угодно, созженными заживо; или....

Томасъ. Или... Посмотримъ что такое!

Абеллино. Или раздѣлишь между собою наше богатство, оставишь республику, переѣдешь поведеніе, и спарашься примириться съ небомъ. У насъ довольно денегъ для того, чтобъ имѣть все нужное. Вы можете купишь землю въ какомъ нибудь чужемъ государствѣ, содержать пракширь, торговать, или словомъ, дѣлать все, что вы хотите, только оставишь прежнее ремесло свое. Ищомъ въ государствѣ, которое вы выберете своимъ убѣжищемъ, можете вы выбрашь себѣ жену, — наживете съ нею дѣтей, будете жить спокойно, и загладите хорошою жизнію прошедшія пресупленія.

Томасъ. Такъ вошь въ чемъ состоишь пивой совѣшь!

Абеллино. Впрочемъ, я спану жишь, такъ, какъ вы захопите, — я гошовъ бышь повѣшеннымъ и колесованымъ, и гошовъ сдѣлашься хорошимъ челоѣкомъ, вмѣспѣ съ вами — еспьли вы што захопите. Какъ же вы рѣшишьесь?

Томасъ. Видалъ ли кто нибудь такого глупаго совѣпника.

Петрино. Какъ! мы рѣшимся! — О! это очень шрудно.

Абеллино. Напропивъ, мнѣ кажешся это очень легко.

Томасъ. Не говоря много, я скажу, что лучше намъ оспашься шѣмъ, что мы еспь, и продолжашь старинное ремесло свое. Эшимъ способомъ мы соберемъ много денегъ, — и

будемъ въ состоянїи весели ве-
селую жизнь.

Петрино. Славно ! я съ то-
бою согласенъ.

Томасъ. Мы убійцы — это
правда ; но мы храбрые люди,
и можемъ всякому доказать
нашу храбрость. Однакожь,
чтобъ насъ не поймали, не ху-
до бы просидѣть намъ нѣсколь-
ко дней дома, ибо нѣтъ ника-
кого сомнѣнїя, что Дожь разо-
слалъ шпионовъ, которые насъ
ищутъ ; но какъ скоро опас-
ность пройдетъ, то первое на-
ше старанїе будетъ, найти
убійцу Машею, и удавить его
для примѣра другимъ. —

Всѣ вмѣстѣ. Bravo ! bravo !

Петрино. Я выбираю Томаса,
нашимъ начальникомъ.

Струцца. Пусть займешь
онъ мѣсто Машею.

Всѣ. Мы хопимъ этого.

Абеллино. Я съ радостію соглашаюсь на вашъ выборъ, — и такъ теперь все уже рѣшено. —

Г Л А В А X.

День рожденія.

Разбойники провели въ спрѣхѣ и мученіи слѣдующій день. Дверь и окна ихъ дома были на крѣпко заперты; малѣйшій шумъ на улицѣ заспавлялъ ихъ дрожашь; шаги приближавшихся людей приводили ихъ въ шренешь.

Между тѣмъ повсюду во дворцѣ Дожа видно было великолѣпіе и радость. Онъ гошовилъ праздновашь день рожде-

нїя своей племянницы; самые доспойные люди, Посланники и иноспранцы, находившіеся въ Венеціи — всѣ снѣшили на эпошъ славный праздникъ.

Дождь ничего не жалѣлъ, чшобъ сдѣлать его блестящимъ. Всѣ забавы были въ немъ соединены вмѣстѣ; лучшія поэты воспѣли день сей: и стихи ихъ, вдохновенные красопою, были доспойны своего предмета. Музыканты и виртуозы, старались на немъ превзойти другъ друга; ибо желали заслужить похвалу Розабеллы; всѣ были веселы, даже на лицахъ стариковъ блистала радость юностей.

Почти никогда Дождь не былъ такъ веселъ; улыбка доброты блистала на лицѣ его; его ласковость предупреждала

всѣхъ , и первое его стараніе было заставить всѣхъ забыть , что онъ Дождь . То говорилъ онъ нѣсколько пріятныхъ словъ дѣвушкамъ , соспаваявшимъ украшеніе сего праздника ; по вмѣшивался между масокъ , коихъ разные смѣшные наряды веселили зрителей ; по разсуждалъ о важныхъ предметахъ съ главными начальниками республики ; но часто забывалъ все , чтобъ посмотреть какъ танцуетъ Розабелла , или послушать какъ она поетъ .

Невзирая на свои сѣдины Ломеллино , Конари и Паоло Монфроне , сіи при друга , сіи совѣтники Дожа , находились въ кругу молодыхъ людей и величались оспропою своего ума , которая видна была во всѣхъ ихъ рѣчахъ .

Ломеллино опошелъ прочь отъ компаніи, чпобъ подойши къ Дожу, кошорой говорилъ въ залѣ съ своею племянницею.

Въ комнапѣ никого не было, и Андрей началъ съ нимъ разговоръ :

Ломеллино, шы мнѣ кажешся сего дня гораздо веселѣе того дня, какъ мы брали Скардону (*), и какъ побѣда доставила намъ сполько пріятностей.

Ломеллино. Конечно, Дожь! я не могу подуматъ, не ощущая вмѣстѣ и радости и страха, объ той ночи, въ кошорую

(*) Скардоно, городъ въ Далмаціи, на Керкѣ. Въ 1352, его взяли Венеціанцы, и владѣли имъ до 1522 году, въ кошоромъ онъ былъ опняшъ назадъ Турками.

мы взяли эшошь городъ , и въ которую сорвали луну , его защищавшую. Венеціанцы дрались какъ львы.

Андрей. Мы должны почтить память ихъ. Ты раздѣлялъ ихъ побѣду ; — и спокѣйспвіе , которымъ пенерь наслаждаешся , есть плодъ швоей храбрости.

Ломеллино. Ахъ ! конечно пріятно покоиться на лаврахъ ; но не вамъ ли обязанъ я своею славою ! Никто бы и не зналъ , что я есть на земли , еспьлибъ въ Далмаціи и Сициліи не сражался я подъ знаменами великаго Андрея , и еспьлибъ не содѣйспивовалъ всѣми своими силами воздвигнуть вѣчной монументъ — въ воспоминаніе славы республики.

Андрей. Любезный Ломеллино , у тебя воображеніе слишкомъ пылко.

Ломеллино. Я знаю, что сіи похвалы и имя Великаго, произнесенное въ вашемъ присушствіи, обидны для вашей скромности; но я слишкомъ старъ, чтобъ посвящать ласкашельству оспашокъ дней моихъ. Я оставляю эшопъ прудъ молодымъ придворнымъ, которые не сражались еще за Венецію и за васъ.

Андрей. Умѣрь свой восторгъ.

Ломеллино. Я горжусь тѣмъ, что живу въ царствованіе Государя справедливаго и спрашнаго врагамъ опечесства. Венеціи нечего ихъ бояться, пока Андрей будетъ управлять ею. Но если вы и Герои, образованные примѣромъ вашимъ, будутъ жить въ бездѣйствіи,

но я боюсь, чпобъ благоденствіе Венеціи не разрушилось.

Андрей. Къ чему эти боязни; развѣ у насъ нѣтъ хорошихъ молодыхъ Офицеровъ, которые подають о себѣ самую щасливую надежду.

Ломеллино. Но кто они такіе? по большой части Герои, сидящіе въ своихъ кабинетахъ! люди изнѣженные, обжоры, распутные! простите лѣшамъ моимъ эти бесполезныя сѣшванія! говоря съ Андреемъ, надобно только думать о существованіи добродѣтели! — Государь! у меня есть прозьба до васъ касающаяся.

Андрей. Что такое?

Ломеллино. Съ недѣлю прѣбхаль сюда одинъ молодой человекъ, знапной фамиліи изъ Флоренціи. Его зовуть Фло-

доардомъ , и все показываетъ въ немъ благородное происхожденіе и храбрость. Отецъ его былъ одинъ изъ моихъ искреннихъ друзей.— Я потерялъ сего великодушнаго друга ; мы вступили въ службу въ одно время , на одинъ корабль ; не одинъ разъ побивали мы Турокъ — онъ былъ храброй солдатъ.

Андрей. Выхваляя добродѣтели отца , ты забываешь говорить мнѣ о сынѣ.

Ломеллино. Сынъ его пріѣхалъ въ Венецію , и желаетъ вступить въ службу республики. Я прошу васъ дать ему хорошее и выгодное мѣсто. Этою молодого человѣка прославить наше опечество. Я емѣю васъ въ этомъ увѣришь.

Андрей. Тебѣ извѣстны его дарованія и умъ ? —

Ломеллино. Извѣстны, Государь! онъ храбръ и добродѣтеленъ, также какъ отецъ его. Угодно ли вамъ будетъ его видѣшь и поговоришь съ нимъ? онъ здѣсь — только замаскированъ. Чтобы показать вамъ его намѣреніе, я долженъ вамъ сказать, что онъ услышавъ о разбойникахъ, которые безнокояшь Венецію, хочеть освободить ее отъ нихъ — предашь въ руки Правительства всѣхъ злодѣевъ, до сихъ поръ избѣгавшихъ. — И вошь первая услуга, которую онъ хочеть оказать республикѣ.

Андрей. Не думаю, чтобы онъ былъ въ состояніи это исполнить — однакожь скажи ему, что я хочу съ нимъ говорить.

Ломеллино. Итакъ просьба моя почти уже исполнена: ибо

не лъзя не полюбитьъ Флодоарда, увидѣвъ его. Его физіогномія привлекательна, и вы почувствуете къ нему поже самое, что онъ возбудилъ во мнѣ.

Андрей. Съ шѣхъ поръ какъ я себя знаю Ломеллино — я никогда не видалъ себя въ такомъ энтузіазмѣ, найди и приведи ко мнѣ этого необыкновеннаго человека.

Ломеллино. Спѣшу повиноваться вамъ. Что же касается до васъ сударыня — то вы должны осперегаться, слыша похвалу, копорую я ему приписываю.

Розабелла. Вы сильно возбудили мое любопытство. Приведите сюда поскорѣй вашего героя.

Ломеллино ушелъ.

Андрей. За чѣмъ ты, миленькая, нейдешь въ танцовальную залу? —

Розабелла. Усталость и вмѣстѣ любопытство заставляють меня оспаться съ вами. Мнѣ хочется видѣть этого молодого Флодоарда, котораго Ломеллино такъ превозноситъ; по правдѣ вамъ сказать, любезный дядюшка, мнѣ кажется, что я его уже видѣла. На балѣ замѣтила я одну маску, одѣтую въ Греческое платье, съ такою прекрасною палією, что невозможно было не опличинь ее отъ прочихъ. Самые незамѣчательные взоры обращались на нее. Эпа маска высокаго роста, чрезвычайно ловка, и прекрасно танцуетъ.

Андрей (улыбаясь). Розабелла!

Розабелла. Все, что ни говорила я вамъ, сушая правда. Невозможно, чтобы эшошь Грекъ былъ не Графъ Флодоардо; однакожь описаніе, сдѣланное Ломеллиномъ.... Вошь онъ! любезный дядюшка! вошь шомъ Грекъ, про котораго я вамъ говорила.

Андрей. — Онъ приближается — и съ нимъ вмѣстѣ Ломеллино. Розабелла! ты угадала.

Дождь едва переспалъ говоришь, Ломеллино взошелъ въ залу, держа за руку молодого, высокаго человѣка, одѣшаго въ шипое Греческое плащье.

« Государь, сказалъ Ломеллино, позвольте мнѣ предсказать вамъ Графа Флодоарда, которой покорнѣйше просишь вашего покровительсва. »

Флодоардо, въ знакъ уваженія, снялъ головной уборъ и маску, и низко поклонился начальнику Венеціанской республики.

Андрей. Я услышалъ, что вы хотите вступить въ службу республики.

Флодоардо. Такъ, Государь! этого желаю мое честолюбіе, если Ваша Свѣтлость почтете меня достойнымъ сей чести.

Андрей. Ломеллино относится объ васъ очень хорошо. Если слова его справедливы, то для чего же лишаете вы собственное свое отечество достойнаго сына? —

Флодоардо. Для того, что имъ управляетъ не Андрей.

Андрей. Мнѣ сказали, что вы хотите открыть убѣжище

разбойниковъ , которые съ нѣкопорого времени заставили Венецію пролиль столько слезъ.

Флодоардо. Естли Ваша Свѣтлосль благоволиль поручиль мнѣ это , то я опвѣчаю головою, что въ корошкое время предамъ ихъ всѣхъ въ руки Правительства.

Андрей. Предпріятіе трудно — къ тому же вы иностранецъ — однакожь не смотря на то , я предоспаваю вамъ его исполнить.

Флодоардо. Эпой довѣренности для меня довольно. Въ два дни я исполню свое обѣщаніе.

Андрей. Вы приводите меня въ удивленіе! развѣвы незнаете , молодой человекъ , какъ опасно нападать на эсихъ зло-

дѣвъ? они разсѣяны повсюду и обыкновенно чаще бываютьъ шамь, гдѣ ихъ меньше ожидаютьъ, нѣтъ ни одного уголка въ Венеціи, копорой бы не былъ извѣстенъ нашимъ шпіонамъ; и однакожь полиція наша щепотно старалась, найши убѣжище сихъ разбойниковъ.

Флодардо. Я знаю это — и радуюсь. Я открою его, и симъ способомъ докажу Дожу, что дѣла мои не маловажны.

Андрей. Исполните ваше намѣреніе, и полагайтесь на мое покровительство: теперь перестанемъ говорить объ этомъ — ибо я не хочу, чтобы какая нибудь печальная мысль, помрачила радость нынѣшняго дня. — Розабелла! собери шапцующихъ. — Графъ! я отдаю ее вамъ на ваши руки. —

Флодоардо. Государь, вы поручаете мнѣ самое драгоценное сокровище.

Въ продолженіи всего эшого разговора, Розабелла спояла облокотясь на кресла своего дяди. Она повторяла слова Ломеллины: *не лзя увидивъ Флодоарда не полюбить его*; и глаза ея успрямленные на Графа увѣрили ее, что Ломеллино сказалъ правду. Когда Дождь опдалъ ее на руки Флодоарду, легкой румянецъ покрылъ ея щеки; она не знала приняшь ли или нѣтъ руку, поданную ей Графомъ.

Какая бѣ женщина, въ подобномъ случаѣ не смѣшалась! въ самомъ дѣлѣ спань Флодоарда, черны, копорыхъ крошость напечашлѣвалась въ сердцахъ шѣхъ, кои ихъ раз-

смапривали, расположеніе лица, которое могло бы служить образцемъ для живописца, гордая походка, показывающая Героя. . . . Ахъ! не довольно ли было всего этого, чшобъ лишить спокойствія нѣжное и неопытное сердце.

Флодардо подалъ руку Розабеллѣ, и повелъ ее въ танцовальную залу. Тамъ все дышало радостью и удовольствіемъ; полъ дрожалъ подъ ногами танцующихъ. Флодардо и Розабелла дошли до конца залы— и остановились подлѣ открытаго окошка. Нѣсколько минутъ прошло въ взаимномъ молчаніи. Иногда взоры ихъ встрѣчались, иногда танцующіе привлекали на себя ихъ вниманіе, иногда, они, казалось забывали все ихъ окружавшее и по-

гружались въ глубокую задумчивость. —

« ЕСТЬЛИ БОЛЬШЕЕ НЕСЧАСТІЕ! » — вскричалъ наконецъ Флордоардо. —

« Какое несчастіе? (спросила Розабелла въ смущеніи и какъ будто пробудившись отъ сна). Кто несчастливъ, Графъ? » —

« Тотъ, кто осужденъ смотрѣть на благо, котораго онъ никогда получить не можетъ, тотъ, кого помилъ жажда и кто видитъ ешаканъ съ водою, назначенный для другаго! —

« Не вы ли эшотъ несчастной, лишенный блага, которое онъ получить желаетъ? не эшо ли смыслъ вашихъ словъ? —

« Положимъ — что вы его угадали — и шакъ не несчаст-

ливъ ли я, любезная Розабелла? —

«Что это за благо, котораго вамъ получитьъ не можно? —

«Естьли хопя одно равное съ благомъ, — обладашь Розабеллою. —

Розабелла покраснѣла, и пошунила глаза. —

«Не оскорбилъ ли я васъ, сударыня? (сказаль Флодоардо взявъ руку ея съ почтительною вѣрностію,) не осердились ли вы на меня?» —

«Вы изъ Флоренціи, Графъ! и можешъ бытъ не знаете, что комплиментовъ шакого рода не любятъ въ Венеціи; по крайней мѣрѣ для меня, они не могутъ бытъ пріятными.» —

«Извините меня, сударыня! однакожь, я оказалъ искрен-

нѣйшее свое желаніе — а не комплиментъ. —

« Дождь идешь въ залу — съ Ломеллиномъ и Манфроне — они будутъ искашь насъ между танцующими, — пойдемше. » —

Флодаордо слѣдоваль за нею въ молчаніи. Они начали танцовать. — Розабелла, танцуя съ Флодаардомъ, была прелестьна! съ какою легкостію дѣталала она по паркѣ? Пріятность и благородство видны были во всѣхъ ея движеніяхъ, Флодаордо не сводиль съ нее глазъ. Онъ былъ безъ маски и съ непокрытою головою; но черныя его волосы, копорые развѣвались въ воздухѣ, обращали на себя болѣе вниманія, нежели великолѣпныя перья, украшавшія каски другихъ мушкетеръ. Всѣ удивлялись Флодо-

арду и Розабеллѣ; но они этого не замѣчали: ибо заняты были только однимъ желаніемъ поправиться другъ другу.

Г Л А В А XI.

Флодоардо.

Два дни уже прошло послѣ праздника Дожа, Пароцци сидѣлъ запершись въ комнашѣ съ друзьями своими Меммо и Фальери. Мракъ скрывалъ предметы, лампада слабо освѣщала ихъ, буря свирѣпствовала въ природѣ ужасъ пягопиль души развращенныхъ молодыхъ людей.

Пароцци (послѣ долгаго молчанія). Ну, друзья, объ чемъ вы задумались?

Меммо. Не знаю! кажется самъ адъ вооружился пропивъ насъ, и вдохнулъ въ души наши ея ужасное безпокойство!

Пароци. Чшобы ч.... ихъ побраль!

Меммо. Кого? Разбойниковъ?

Пароци. Я никакъ не могъ найсти ихъ; какъ досадно!

Фальери. А между шѣмъ время печеть; наши намѣренія могутъ оспастья пустыми, и сдѣластья предметомъ всеобщихъ посмѣяній. Да еще въ добавокъ, посадятъ насъ въ шюрьму. Ужась меня беретъ, когда я обо всемъ эпомъ подумаю! —

Пароци (ударивъ по столу). Эпомъ Флодоардо!

Фальери. Въ два часа велѣль мнѣ придти къ себѣ

Гонзага, — что же мнѣ ему сказать?

Меммо. Еще нечего опзыватьсь; вѣрно что нибудь важное сдѣлалъ Каншорино, ибо онъ такъ долго замѣшкался. Я увѣренъ, что онъ принесетъ намъ много хорошихъ вѣстей.

Фальери. А я отвѣчаю головою, что Каншорино лежитъ теперь у ногъ Олимпіи, и въ объятіяхъ ея забылъ про разбойниковъ, и про друзей своихъ.

Пароцци. Не уже ли никто не знаетъ, кто такой эпокъ Флодоардо?

Меммо (насмѣшливо). Мы ничего шебѣ про него не скажемъ, даже и того, что случилось въ день рожденія Розабеллы.

Фальери. — Мнѣ кажется, что ты, Пароцци, завидуешь ему.

Пароци. МиѢ завидовать ! по миѢ выдѣ Розабелла хопѣ за лодошника, — для меня эшо все равно.

Фальери. Ты лжешь ! признапсьн, однакожѣ Флодоардо первой красавецѣ въ Венеціи, я не многіе изѣ нашихъ дѣвушекѣ опкажупѣ ему въ своемѣ сердцѣ.

Фальери. Говоряпѣ , что старой Ломеллино бывѣ коропко знакомѣ съ опцемѣ его; онѣ кажепся и сына очень любипѣ.

Меммо. Ломеллино я Дожу его предспавиль.

Пароци. Кто-шо спучипся у воропѣ.

Меммо. Эшо вѣрно Канпо-рино. Мы узнаемѣ , нашель ли онѣ разбойниковѣ. Точно, вопѣ онѣ !

Отворились двери, и Канторино, завернувшись въ свою епанчу, вошелъ поспѣшно: «Здравствуйте, друзья мои!» сказалъ онъ, сбросивъ съ себя плащъ.

Меммо, Пароцци, и Фальери, ошпунили отъ ужаса.

Боже мой! что съ тобой случилось, вскричали они, ты весь въ крови!

Канторино. Да! я раненъ, вы вѣрно увѣрены, что самъ себя никто не захочетъ ранишь. Мнѣ смертельно хочется пить! дайте мнѣ чегонибудь.

Фальери, принеся ему спаканъ вина.

Пароцци. Сперва дай перевяжь себѣ рану. Но надо, чтобъ никто, кромѣ насъ, не зналъ этого приключенія; я буду самъ твоимъ лѣкаремъ.

Канторино. О! это не нужно, рана пустая! налейка мнѣ еще вина, Фальери!

Меммо. Я опъ спраху не могу опомнишься.

Канторино. Не мудрено! и я бы также испугался, еспьлибъ былъ Меммо, а не Канторино. Крови печепъ много: но это ничего. (*Разкрываетъ грудь и показываетъ свою рану*). Вы видите, она не глубока.

Пароци перевязалъ ему рану.

Канторино. Горацій сказалъ правду, что философъ можешъ бышь лѣкаремъ, Королемъ, и словомъ: всѣмъ — чѣмъ только захочешъ. Смоприше какъ искусно орапоръ Пароци, опправляетъ свое дѣло. Довольно, мой другъ! благодарю шебя; шеперь садитесь вокругъ меня и слушайте, что я вамъ буду

разсказывать. Сего дня вечеромъ , по захожденіи солнца , я вышелъ вонъ изъ дома , завернувшись въ плащъ , въ намѣреніи поискавъ разбойниковъ. Вы можете быть скажете , что намѣреніе это было безразсудно ; я ни самъ не зналъ ни одного разбойника , ни они меня не знали ; но я хопѣлъ вамъ доказать , что для человѣка нѣтъ ничего невозможнаго. Мнѣ сказывали нѣкоторые ихъ примѣшны , и я пошелъ. По случаю встрѣчился я съ однимъ лододшникомъ , котораго наружность возбудила мое любопытство. Я началъ съ нимъ разговаривать , и вскорѣ узналъ что ему извѣстно было жилище разбойниковъ. Давши ему нѣсколько денегъ , я уговорилъ его отвезти меня къ нимъ. — Мы

сѣли въ лодку и плыли все вдоль по каналу, до шѣхъ поръ, покуда поравнялись съ одною отдаленною частію города, которая совсѣмъ была мнѣ незнакома. Лодочникъ непремѣнно спалъ прѣбывать, чтобъ я завязалъ глаза плапкомъ. — Надо было исполнить его прѣбваніе. Черезъ полчаса гондола остановилась, я вышелъ на берегъ, все однакожь съ завязанными глазами — прошедши нѣскольکو улицъ, и сдѣлавъ нѣскольکو поворошовъ, мы остановились подлѣ одного дома. — Когда узнали за чѣмъ я пришелъ, — то отворили намъ ворота — и я былъ введенъ въ домъ. Съ меня сняли повязку, и я увидѣлъ себя въ маленькой комнатѣ; чешыре челоуѣка, копорыхъ лица, вы можете себѣ представить,

стояли подлѣ меня. Нечего было перясть времени — я бросилъ на споль кошелекъ, обѣщаль золошья горы, назначилъ день, часъ, и сигналъ будущаго свиданія, и пребываль, чпобъ Монфроне, Конари и Ломеллино были убиты.

Всѣ. Bravo!

Канторино. Всѣ сдѣлано было по моему желанію, и одинъ разбойникъ хопѣлъ было уже веспи меня назадъ. — Но намъ сдѣлали неожиданное посѣщеніе. —

Меммо (сѣ безпокойствомъ). Чпо такое! говори скорѣе.

Канторино. Мы услышали спукъ у дверей; одинъ разбойникъ пошелъ посмотрѣть, кто стучался, — и вдругъ съ поспѣшностію вбѣжалъ въ комнату, крича: бѣгите, бѣгите.

Фальери. Что же такое случилось!

Канторино. Множество солдатъ и полицейскихъ окружили домъ. — Предводицелемъ ихъ былъ — Флодоардо!

Всѣ. Флодоардо!

Фальери. Почему онъ узналъ!

Пароцци. Флодоардо! о небо! для чего меня шамъ не было!

Меммо. По крайней мѣрѣ теперь ты видишь, что Флодоардо эшопъ не прусь.

Фальери. Досказывай.

Канторино. Мы оцепенѣли отъ ужаса: «именемъ Дожа и республики, вскричалъ Флодоардо, сдайтесь и положите оружїе.» Мы будемъ защищаться до послѣдней капли крови, былъ опвѣтъ — разбойниковъ, схватившихъ свои ружья, копорья спояли у спѣны. Я шоп-

часъ задуль огонь — чшобъ сол-
 дашы не видали своихъ непрїя-
 шелей. Но по нещасшїю луна
 освѣщала комнашу : « Берегись
 « Каншорино, говориль я самому
 « себѣ, еспьли тебя поймаюшъ,
 « то ты будешь повѣшенъ. » —
 Вмѣстѣ съ прочими я вынулъ
 шнагу и напаль на Флодоарда,
 онъ отбилъ ударъ саблею , ко-
 шорая была у него въ рукахъ ;
 и защищалься какъ опчаянный,
 но искусство мое не равнялось
 моей ярости — и я будучи ра-
 нень, опспупиль. Въ эту са-
 мую минушу , при блескѣ пи-
 сполетнаго выспрѣла, увидѣль
 не запершую дверь, ушель чрезъ
 нее пошихоньку въ другую ком-
 нашу, опкрыль окно и безъ вся-
 каго вреда выскочиль на дворъ.
 Перелѣзши черезъ двѣ или при-
 садовыя стѣны, я достигъ ка-

нала. По счастію нашель лодку и доѣхаль на ней до площади Св. Марка, а опшуда прибѣжалъ къ вамъ; удивляюсь, какъ я оспался живъ;— не самъ ли адъ сыграль со мною эшу шушку!

Пароуди. Я виѣ себя онъ яроспи.

Фальери. Кажешся, что мы не приближаемся а удаляемся отъ нашей цѣли.

Меммо. Мы должны почипать эшо предвозвѣщаніемъ неба, оставивъ наше предиріянше! какъ вы думаете?

Канторино. Нечего еще пакъ пугаться! эшотъ случай долженъ возбудить нашу храбрость. Такія препяпствія, еще болѣе упверждающъ меня въ моемъ намѣреніи.

Фальери. Знающъ ли пвое имя разбойники?—

Канторино. Я имъ не ска-
заль его, и назвался слугою од-
ного знамениаго гражданина,
преперпѣвшаго обиду ошъ дру-
зей Дожа.

Меммо. Ты долженъ благо-
дарить небо, что оно спасло
тебя — ошъ такой погибели.

Фальери. Но какимъ обра-
зомъ, умѣль Флодоардо ошыс-
кашъ жилище разбойниковъ, не
давно прѣѣхавши въ Венецію, и
не зная эшого города !

Канторино. Чоршъ его вѣ-
даешъ, — можешъ бышь ша-
кимъ же случаемъ какъ и я.
Но клянусь, что онъ дорого
заплашишъ мнѣ за рану, имъ
нанесенную.

Пароцци. Онъ долженъ за-
плашишъ за нее, своею жиз-
нью.

Фальери. Мнѣ хочется покороче познакомиться съ эшимъ человекомъ.

Канторино. Подумай, Меммо, что мы имѣемъ нужду въ деньгахъ, до коихъ же поръ будешь ты опкладывать опъѣздъ швоего дядюшки въ лучшей свѣпъ?

Меммо. Завтра вечеромъ, — все будетъ кончено.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.